

А. А. Балашова

*Санкт-Петербургский Государственный Университет
(Россия, Санкт-Петербург)
anthonybalashova@gmail.com*

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СИНТАКСИСА ПАЛИНДРОМИЧЕСКИХ ПОЭМ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В статье представлены наблюдения над грамматической организацией крупных форм в русской палиндромической поэзии XX века и некоторые замечания о возможном подходе к ее систематическому анализу. Синтаксис поэм-палиндромов предлагается рассматривать как результат взаимодействия формального ограничения, жестко контролирующего последовательность элементов в предложении, и других принципиальных для устройства текста факторов — ритма, рифмы, строфической организации и стилистических фигур. Обосновывается необходимость исследовать и классифицировать синтаксемы как с учетом их расположения в каждой отдельно взятой палиндромической строке, так и парадигматически. В рамках подобного подхода крупные формы палиндрома еще не становились предметом научного интереса. В работе представлены результаты анализа поэмы Бориса Гольдштейна «Укол Блоку». Комментируются авторские стратегии текстообразования — повтор синтаксических схем, использование штампов и другие приемы конструирования текста.

Ключевые слова: поэзия формальных ограничений, палиндром, синтаксис палиндрома, поэтический синтаксис, поэма-палиндром.

Количество палиндромов, созданных на русском языке в XX веке, и их относительная неисследованность говорят о необходимости систематического изучения синтаксических особенностей палиндромии и ее синтаксического потенциала. Природа палиндрома сужает спектр возможностей в сфере линейно-динамической организации строки, лимитирует вариативность порядка слов, налагает ограничения на расположение логического ударения и на соотношение темы-ремы в предложении. Однако, специфика синтаксиса в крупных палиндромических формах обусловлена не только своеобразием палиндромии самой по себе. Заслуживает пристального исследовательского взгляда грамматическое устройство таких поэм как результат взаимодействия и взаимовлияния всех элементов

системы — «переворачиваемости», строфической организации, ритма, рифмы, а также повторов, инверсии, синтаксического параллелизма и других стилистических фигур.

До сих пор попытки последовательного и полного описания палиндромических поэм с учетом перечисленных параметров в палиндромоведении не предпринимались. В данной статье представлены некоторые замечания по теме, возникшие в ходе разработки стратегии анализа, которая бы развивалась в подобном методологическом русле и дополняла уже полученные другими исследователями с помощью статистических методов сведения о палиндроме. Нельзя недооценивать значение существующих результатов анализа количественного соотношения словоформ в палиндромических текстах. Однако, учитывая, что представляет собой структура палиндрома, на данном этапе более продуктивным мы находим подсчет и сопоставление вариантов их расположения в строке, а также анализ синтагматической и парадигматической реализации конкретных синтаксических конструкций.

По подсчетам из «Новой антологии палиндрома» [Горобец, Федин 2011], большинство слов-палиндромов русского языка содержат 3 или 5 букв, а фразовый палиндром в 88 % случаев состоит из нечетного количества букв, т. е. значительно чаще обладает осевой, а не зеркальной структурой. Это происходит потому, что вариантов образования зеркальной симметрии не так много — в середине палиндромического текста в таком случае должен находиться словораздел, сдвоенная гласная или согласная. Подсчеты А. В. Бубнова, представленные в докторской диссертации «Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии» [Бубнов 2002], призваны проиллюстрировать ряд характерных (по мнению автора) для русского палиндрома тенденций: стремление к лапидарности, субстантивности, беспредложности. Бубнов показал, что лапидарность палиндромии проявляется, например, в преобладании нулевых окончаний существительных — чаще всего это субстантивы в именительном или винительном падеже (в единственном числе), в родительном падеже (во множественном числе), малоупотребительные или неупотребительные формы (например, «дебат» вместо «дебатов») [Бубнов 2002: 170]. Кроме того, по Бубнову, для русской палиндромии естественно относительно редкое употребление предлогов и глаголов, а также преобладание структуры «СГ» — упорядочивание чередования согласных и гласных. От этого, среди прочего, зависит количество нулевых окончаний — в частности, Бубновым отмечена относительная частотность словоформ, в которых в родительном падеже множественного числа при нулевом окончании возникает беглый гласный («вилки — вилок») [Бубнов 2002: 167]. Кроме того, упорядочивание структуры слога напрямую влияет на ритмическую организацию палиндромических текстов. То, что уже известно о палиндроме, поясняет некоторые бросающиеся в глаза закономерности. Так, лапидарность на синтаксическом уровне характеризует обилие эллиптированных вариантов предложений (что неизбежно маркирует текст стилистически). Формы глагола зачастую длиннее форм других частей речи и реже подходят палиндромисту — отсюда преобладание императивов, также отмеченное Бубновым. То же относится к прилагательным и причастиям, которые значительно чаще встречаются в краткой форме.

Представляется, что одной из мотиваций для увеличения авторского грамматического арсенала может стать, например, стремление уйти от много раз использованных словарных штампов. Трюизмом стало использование кратких прилагательных на «-ителен» («не лети...» при обратном прочтении) [Горобец, Федин 2011: 198], некоторые императивы («оголи милого», «ищи пищи», «иди, сиди») [Бубнов 2002: 181]. В поэме Бориса Гольдштейна «Укол Блоку» (1310 слов и 411 строк) таких штампов множество. Кроме того, 21 строка состоит из единственного слова-палиндрома («Колок», «Мадам», «Наган») или слова-палиндрома, повторенного несколько раз («Нежен, нежен», «Алела, алела, алела» — в шести случаях из двадцати одного), 22 строки составлены из междометий («Хо! Ох!», «А-та-та!» etc.). Это типично для крупных палиндромических форм: шаблоны часто используются в интересах сюжета и композиции.

Интересно, что в «Уколе Блоку» в четверти случаев (25,54%) строка не связана синтаксически ни с предыдущей, ни с последующей. В ситуациях, когда слова-палиндромы не составляют отдельных назывных предложений, они, как правило, становятся частью распространенных предложений, захватывающих наибольшее количество стихов. В среднем количество строк в них больше, чем там, где на один из стихов попадает фрагмент предложения, между элементами которого совсем нет словосочетательных связей (вопреки ожиданиям):

Летел, летел
Ретив ветер —
И город, и дороги,
И тупики пути —
Нежен,
Колок
Ледок одел.

На анализе синтаксем по месту в палиндромической строке мы настаиваем в том числе потому, что нередко синтаксические структуры повторяются с заметной частотой — при образовании связей эксплуатируются морфологически удобные для составления палиндрома шаблоны. В крупных формах эта тенденция ведет к увеличению количества синтаксических параллелизмов. У Гольдштейна однотипные конструкции встречаются повсеместно: в них одинаково устроено «отражение» определенных морфем при обратном прочтении.

Проиллюстрируем это утверждение несколькими простыми примерами. Автор многократно использует одно и то же решение, употребляя глагол множественного числа третьего лица в прошедшем времени — строка начинается с союза «или»: «Или наманили», «Или били», «Или взвили» (кстати, похожим образом составлена оригинальная строка «Али молвила? Али вломила?»). 15% строк в поэме начинаются с союза «И». Их можно классифицировать с точки зрения функциональности: в конце строки «и» оказывается либо окончанием существительного в именительном падеже и во множественном числе («И не тихи тени»), либо окончанием императива второго лица единственного числа («И буржуя уж руби»), либо окончанием существительного третьего склонения в родительном или творительном падеже

(«И пикантен, и нет накипи», «И ворковала во крови»). Частица «не» в начале стиха используется Гольдштейном для формирования одинаково сконструированных противопоставлений. В середину попадает разное количество слов, но общая схема повторяется: «Не туман, а мутен», «Не сапог, а шаг опасен», «Не рок суров, а вор ускорен».

Автор «Укола Блоку» также раз за разом обращается к определенным стратегиям, с помощью которых уже использовавшиеся короткие строки «расширяются». Можно выделить несколько типов такого «расширения»:

1. Удвоение: «И пули лупи» — «И пули лупи, и пули лупи»;
«Ох, и лихо» — «Ох, и лихо, ох, и лихо»;
«Марш в шрам» — «Марш, марш — в шрам, шрам».
2. Распространение: «Ретив ветер» — «Ветер летел ретив»;
«Или шили» — «Или шубу, шубу шили».
3. Удвоение с появлением новой «оси» (в данном случае осью становится буква «т»):
«Удивив, иду» — «Удивив, идут. Удивив, иду».
4. Изъятие (при чем предложение меняется семантически, но синтаксическая структура сохраняется):
«Уже раз и зарежу» — «Уж раз и заржу».
5. Омонимия, игра с перестановкой словоразделов, в результате которой формируются палиндромы-равнобуквицы (то, что С. Федин обозначил термином «проява»):
«И на стуже режут сани» — «И наст уже режут — сани».

В «Уколе Блоку» в больших количествах представлены сложносочинительные предложения, но только один раз встречается предложение с подчинительной связью: «Унял кого, того клян!»). Любопытно, что, по подсчетам А. Бубнова, доля текстовых сегментов с упорядоченной структурой слога в двенадцатичастной поэме Гольдштейна составляет 54% — больше, чем в любом другом тексте, участвовавшем в исследовании (среди них — подборки текстов И. Фоянкова и В. Рыбинского, «Укор сроку» А. Кондратова, «Разин» В. Хлебникова, «Я мал: пишу, что вижу...» Д. Авалиани, «Аксиома стрекозы» А. Вознесенского, и непалиндромическая поэма А. Блока «Двенадцать», которую пародирует Гольдштейн) [Бубнов 2002: 381].

По Бубнову, показатели, характеризующие лапидарность, субстантивность и беспредложность в тексте Гольдштейна относительно высоки. На этом фоне особенно заметны необычные для русского палиндрома лексические и синтаксические решения. Встречается, например, редкое употребление возвратного глагола в личной форме: «Материшься так, катаясь шире там!» с сохранением мягкого знака при обратном прочтении.

Каким образом могут быть задействованы подобные, наиболее громоздкие синтаксические конструкции, интуитивно представляющиеся наименее «удобными» для палиндромиста, однако часто используемые в повседневной и прозаической речи? Мы рассмотрели такие синтаксемы, которые содержат инфинитивные конструкции, возвратные глаголы в начальной форме, причастия в полной форме,

сложное будущее время. Поиск был осуществлен на обширном материале, в сумме содержащем порядка 40 000 слов. Собранный корпус включает следующие сборники и отдельно опубликованные произведения: «Антология русского палиндрома XX века» (2000) (составитель Владимир Рыбинский); «Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» (2002) Г. Лукомникова и С. Федина (в сборнике представлены в т. ч. «Разин» В. Хлебникова, «Протопоп Аввакум» Н. Ладыгина, крупные вещи Д. Авалиани); «Новая антология палиндрома» (2011) и «А роза упала НЕ на лапу Азора: искусство палиндрома» (2011) Б. Горобца и С. Федина; сборники Н. Ладыгина («Золото лоз» (1993), «И жар, и миражи» (2003)) и В. Пальчикова («Свод сонетов» (1990), «О купавы торк» (1999)); а также поэмы «Тать» В. Гершуни, «Укор року» А. Кондратова, «Укол Блоку» Б. Гольдштейна и пьеса Валентина Хромова «Потоп, или Ада Илиада».

Перечисленные формы при поиске были обнаружены только несколько раз. В найденных инфинитивных конструкциях мягкий знак либо помещен в центр строки и является осью (В. Пальчиков: «...ли хотел ты быть?.. Ты бы тле-то хил»; А. Туфанов: «Вели, Тенсур, гитаре петь теперь. А тигр уснет и лев»), либо пропадает при обратном прочтении (В. Гершуни: «умереть в терему»; В. Хлебников: «торопи пороть»). Возвратный глагол в начальной форме в составном глагольном сказуемом встретился только однажды, в ассиметричной строке А. Эрлиха: «Из-за нытья всё и напоказ, я стар братья за копанье святынь Азии». Для сравнения, в НКРЯ таких форм 0,3% (и 0,2% в поэтическом разделе корпуса). Интересно, что Н. Ладыгин использует подобный «осевой» принцип при употреблении деепричастий, помещая в центр строки «-яся»: «толпяся, плоть», «моду гни, борясь Робин Гудом», «не убоюсь, о, буен». Сложное будущее время встречаем у Б. Гольдштейна: «стадо буду бодать-с», Ю. Сабанцева: «Лапуша, в доход ели пополам пилите, дубы, — будет и лип мало. По пиле доход ваш упал».

Тем не менее, нельзя сказать, что непривычные для палиндрома синтаксические формы могут быть задействованы только в ущерб симметрии. Причастие в полной форме находим в «Птицелове» Германа Лукомникова:

«Бесенята б и масонок... Тумака молол зануду. Сверкали скотам они в славе рудой, и храпел ему штабс-идиотик. Чешуя аж уступила глине локтя, ругне клира. Дюн распилена пантомима: шут, а размаху — полкило. Такелажником атачищ мятежа копыт салаки — теремок, булавок чин тараня, сменив дани деликатес на ревер, валуна кишмиш вари. Мы вопим об минотавре психиатрам, отсидевши джиу-джитсу, подагру и медузу. Не топи гипотенузу, демиурга допусти, жду — и жди, швед. Истома рта их и сперва-то: нимбом — и по **вымиравшим**, шиканула в реверансетаки леди. Надвинемся на ратничков, а лубком еретика ласты покажет ямщичатам о кинжале католик. Лопухам за ратушами мот на панели псарню дарил. Кенгурят колени лгали, пут сужая ушечки. То и дисбат шумел епархий, одуревал. Свиноматок сила — к ревсуду назло ломакам, утконосам и батяне... Себяед и толповолец...»

Подводя итог, отметим, что авторы-палиндромисты до сих пор в большей степени стремились расширить границы лексического, но не синтаксического потенциала палиндрома. В другом тексте Германа Лукомникова, «Бумагомаракам»,

в виде ироничной зауми представлен ряд частей речи со сложным морфемным составом. Среди них есть и искомые инфинитив, возвратный глагол (и в начальной форме, и в форме третьего лица единственного числа), обычное и возвратное деепричастие, возвратное причастие. Эта «глокая куздра» — свидетельство авторской рефлексии на тему ограниченности морфемных, а значит и синтаксических возможностей палиндрома:

Юризироватья — уризируясь, таворизируя!
Юризируя,
меуризируем!
Еинаворизирование
ясимищюуризирующимися
имяицазиризациями
олаворизировало
юицазиризацию!
Ротазиризатор
наворизирован,
навозиризован!
Ящюуризирующая
яицазиризация
ястеуризируется!

Литература

А роза упала НЕ на лапу Азора: искусство палиндрома / сост. Б. С. Горобец, С. Н. Федин. М., 2011. 224 с.

Антология русского палиндрома XX века / сост. В. Н. Рыбинский; под ред. Д. Е. Минского. М., 2000. 192 с.

Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии / сост. и комм. Г. Г. Лукомников, С. Н. Федин. М., 2002. 272 с.

Новая антология палиндрома / сост. Б. С. Горобец, С. Н. Федин. М., 2011. 248 с.

Бирюков С. Е. Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М., 1994. 288 с.

Бирюков С. Е. РОКУ УКОР: Поэтические начала. М.: РГГУ, 2003. 512 с.

Бонч-Осмоловская Т. Б. Введение в литературу формальных ограничений. Самара: Бахрах-М, 2009. 560 с.

Бубнов А. В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии : дис. ... докт. филол. наук / Орл. гос. ун-т. Орел, 2002. 525 с.

Бубнов А. В. Палиндромия: от перевертня до пантограммы // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. С. 295–312.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Стрфика. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 288 с.

Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 309 с.

Фарыно Е. Паронимы — анаграмма — палиндром // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. № 21. С. 37–62.

Antonina A. Balashova
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
anthonybalashova@gmail.com

THE SYNTAX OF RUSSIAN PALINDROMES: PRELIMINARY OBSERVATIONS

This article comments on the grammar specificity of long palindromic poems written in Russian in the 20th century. It suggests a possible approach to the comprehensive examination of the elements that determine their syntax, with particular attention given to rhythm, rhyme, strophic characteristics, parallelism, symmetry, and their interaction. The work insists on the necessity of studying and classifying syntaxemes both paradigmatically and in regard to their position in each palindromic line considered separately. Until now scholars have not been interested in detailed investigations of the syntactic possibilities for long palindromic poems. The work also includes an analysis of the poem *Ukol Bloku* by Boris Goldstein and characterizes repeated syntactic strategies as among the most important of the author's poetic techniques. Special attention is given to the methods that determine the composition of the text and may tell a lot about palindrome genesis in general.

Key words: constrained writing, Russian palindrome, palindromic syntax, poetic syntax.

References

Biryukov S. E. *Zevgma: Russkaya poeziya ot man'erizma do postmodernizma* [Zevgma: Russian poetry from mannerism to postmodernism]. Moscow, 1994. 288 p.

Biryukov S. E. *ROKU UKOR: Poeticheskie nachala* [ROKU UKOR: Poetic beginnings]. Moscow, 2003. 512 p.

Bonch-Osmolovskaya T. B. *Vvedenie v literaturu formal'nykh ogranichenii* [An introduction to formally constrained poetry]. Samara, 2009. 560 p.

Bubnov A. V. *Lingvopoeticheskie i leksikograficheskie aspekty palindromii* [Linguo-poetical and lexicographical aspects of palindromes]. Diss. dokt. filol. nauk. Orel, 2002. 525 p.

Bubnov A. V. Palindromiya: ot perevertnya do pantogrammy. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 57, pp. 295–312.

Faryno J. Paronimija — anagramma — palindrom v poetike avangarda [Paronymy — Anagram — Palindrome in avant-garde poetics]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 1988, no. 21, pp. 37–62.

Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika*. [An outline of the history of Russian versification]. Moscow, 2000. 352 p.

Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on verse linguistics]. Moscow, 2004. 288 p.

Gorobets B. S., Fedin S. N. *A roza upala NE na lapu Azora: iskusstvo palindroma* [A roza upala NE na lapu Azora: the art of palindrome]. Moscow, 2011. 224 p.

Gorobets B. S., Fedin S. N. *Novaya antologiya palindroma* [A new anthology of palindromes]. Moscow, 2011. 248 p.

Kasevich V. B. *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, 1988. 309 p.

Lukomnikov G. G., Fedin S. N. *Antologiya russkogo palindroma, kombinatornoi i rukopisnoi poezii* [Anthology of the Russian palindrome, found and manuscript poetry]. Moscow, 2002. 272 p.

Rybinskii V. N., Minskii D. E. *Antologiya russkogo palindroma XX veka* [Anthology of the Russian 20th century palindrome]. Moscow, 2000. 192 p.